

Даосский орден Куньлунь, тайная обитель Цзэу.

Бушевал яростный буран, укрывая мир сплошной белой пеленой. Ледяная духовная сила, переполнявшая обитель, делала здешнюю стужу куда более жестокой, чем самая суровая зима в поднебесье.

В самом сердце этих земель, в глубоком ущелье, где веками дремал сдерживающий барьер Царства демонов, мороз и вовсе сковывал само дыхание.

Огромный, уходящий в небеса барьер пошел трещинами. Из рваных брешей то и дело вырывались клубы иссиня-черной демонической ци. Вокруг громоздились следы жестокой многодневной битвы: заснеженная земля была усеяна телами заклинателей, дочиста истощивших свои духовные силы.

И лишь впереди всех, подобно вбитому в скалу клинку, недвижимо высился один-единственный силуэт. Он упорно латал бреши в сияющей преграде, не отступая ни на пядь.

Когда прибыл наставник, Янь Фуи из последних сил отогнал последние струйки демонической скверны. Треснувший барьер вспыхнул ослепительным серебром и затянулся, вновь став единым целым.

Но остаточная волна отдачи хлынула вспять, точно сокрушительный прилив. Позади лежал его шиди, Янь Тиншуан. Фуи не мог уклониться — иначе удар пришелся бы по раненому юноше. Сцепив зубы, он принял всю мощь магического отката на себя.

Грудь прошило острой болью. Глухо застонав, Фуи рухнул на колени в сугроб. Он оперся на меч, судорожно сглатывая подступившую к горлу горячую кровь.

На его черных одеяниях темные пятна крови были почти незаметны, и лишь у изорванных краев широких рукавов виднелись глубокие рваные раны, покрывавшие предплечья. Пальцы, побелев от напряжения, намертво сжали рукоять меча; на худом запястье вздулись вены, и тяжелая багровая капля сорвалась с бледной кожи, бесшумно канув в снег.

Позади него зашевелился лежавший без сознания юноша. Попытавшись приподняться, он тут же бессильно повалился обратно, жалобно и слабо застонав.

Подняв голову, Янь Фуи увидел своего наставника. Тот стремительно спускался с небес на парящем мече, и его красивое лицо казалось высеченным из вечного льда. В груди Фуи на миг шевельнулось облегчение, но тут же угасло. Вспомнив о чем-то, он виновато опустил взгляд.

Голос юноши прозвучал тихо и почтительно:

— Шицзунь, простите ничтожного ученика.

Достопочтенный Меча Вопросающий Небо скользнул равнодушным взглядом по коленопреклоненному старшему ученику, словно тот был бездушным камнем или придорожной травой. Однако его движения мгновенно переменились, стоило ему склониться над младшим. С величайшей осторожностью, будто боясь повредить хрупкое сокровище, он бережно приподнял юношу, и холодные черты лица наставника заметно смягчились.

— Тиншуан... — Вэньтянь прижал пальцы к запястью младшего ученика, проверяя его меридианы. На лбу заклинателя залегла глубокая складка. — Зачем ты явился в столь опасное место? Твое тело просто не вынесет здешней стужи!

Путь Достопочтенного Меча Вопросающего Небо был путем безжалостного клинка, он следовал Дао Бесстрастия и отличался суровым нравом. Стоило его голосу упасть, как даже неистовый буран в ущелье словно утих на мгновение. Лишь свежестроенный барьер между мирами мерцал ровным, чистым светом, и ничто в его мягком сиянии больше не напоминало о недавнем прорыве бездны и клубах удушливой тьмы.

Янь Фуи заметил, как губ младшего шиди коснулась слабая, но теплая улыбка. Юноша робко ухватился за край широкого рукава наставника и слегка потянул его на себя, словно капризный ребенок:

— Я сам захотел прийти в эту обитель ради закалки тела и духа... Пожалуйста, не вините старшего шисюна.

Бледный как смерть Янь Фуи молча вложил клинок в ножны и с трудом поднялся на ноги.

Помимо Яня Тиншуана, позади него прятались и другие adeпты ордена Куньлунь, уцелевшие лишь благодаря его заступничеству. Никто из них не смел поднять глаз перед грозным старейшиной Вэньтянем, однако робкие, украдкой бросаемые взгляды то и дело скрещивались на фигуре Янь Фуи.

Даосский орден Куньлунь гремел славой на всю Поднебесную, и ярче всех среди его мастеров сияло имя старейшины Вэньтяня. Не достигнув и сотого года жизни, он постиг высоты мастерства и прослыл Достопочтенным Мечом, чье могущество превосходило всякое воображение. Однако репутация двух его личных учеников разнилась как небо и земля.

Младший, Янь Тиншуан, унаследовал от наставника печать гениальности, уступая ему разве что крепостью здоровья — с рождения юноша рос слабым и болезненным. При этом Сяо Шуан был на редкость хорош собой, отличался веселым нравом, простотой и открытой душой. На горе Неоставления его обожали решительно все, видя в нем настоящее маленькое солнце.

О старшем же, Янь Фуи, на пике шептались неохотно, многозначительно переглядываясь и качая головами при одном упоминании его имени.

Безусловно, по силе он превосходил многих и по праву носил звание Первого старшего брата своего поколения. Чертами лица он также был наделен благородными и утонченными, однако его нрав... оставлял желать лучшего. Поговаривали, будто помыслы его грязны, а сердце отравлено завистью к чужим талантам, ради сохранения собственного влияния он безжалостно давит любые юные ростки. Ходили слухи о его жадности, о том, как он заискивает перед сильными и попирает слабых, прибрав к рукам хозяйственные дела ордена и урезая содержание младшим адептам ради личной наживы. Словом, он являл собой совершенную противоположность сияющему Тиншуану.

Недавно тайная обитель Цзэу открыла свои врата для испытаний, привлекая множество учеников. Никто не ожидал, что древний заслон прорвется, едва не утянув всех в бездну. Но отчего же сия беда, случающаяся раз в столетие, обрушилась именно тогда, когда сюда явились ученики старейшины Вэньтяня? Из-за их раздоров пострадали ни в чем не повинные люди.

Легким движением пальцев Достопочтенный Меча Вопрошающий Небо извлек драгоценную округлую пилюлю, испускавшую мягкое свечение, и без лишних слов вложил ее в рот Тиншуану. Снадобье было редчайшего, высшего качества — его целительная сила подействовала мгновенно, возвращая краску на некогда бледные щеки юноши. Сяо Шуан продолжал сжимать рукав учителя, и в его глазах блеснули слезы признательности.

Наставник успокаивающе похлопал младшего по плечу, после чего резко повернулся к Янь Фуи. Лицо его вновь сковала вековая мерзлота.

— Объясни, как это произошло? Кто виновен в сегодняшнем бедствии?

Янь Фуи молчал, словно этот вопрос застал его врасплох.

— Это... оплошность ученика.

— Оплошность? — Вэньтянь явно не поверил ни единому слову. На его благородном лице, обычно безмятежном, как у небожителя, проступила злая усмешка. — По оплошности ты заманил больного брата в самую студеную обитель ордена? По оплошности вы натолкнулись на прорыв бездны и демонические козни?

Янь Фуи еще ниже опустил голову. Он знал: наставник не поверит ему. Тот никогда не верил. Да и сил оправдываться не осталось. Накатила тяжелая, свинцовая усталость; хотелось просто закрыть глаза и уснуть прямо здесь, посреди обгаренных сугробов, забыв обо всем. Не разговаривать, не двигаться, даже не перевязывать раны. Его ладони, укрытые за спиной широкими рукавами, казались почти прозрачными от бледности, сквозь которую пугающе ярко проступала кровь. Впрочем, никто этого не видел, да и сам Фуи не обращал внимания на такие мелочи.

— Ученик признает свою вину, — глухо проговорил он. — Готов понести любое наказание, учитель.

Десятки взглядов устремились на него со всех сторон, давя тяжелым грузом. Фуи желал лишь одного — поскорее положить конец этому судилищу. Все равно приговор вынесен заранее, так к чему лишние слова? Пусть бьют, лишь бы наступил покой. Ледяная снежинка коснулась его щеки, но он не шевельнулся.

Эту вязкую, тупую апатию прервал резкий свист рассекаемого воздуха. Вэньтянь с затаенным отвращением в глазах взмахнул своим мечом Чистого Инея. Не обнажая клинка, он с силой обрушил ножны на колени старшего ученика.

— На колени!

Вспышка дикой боли разорвала сознание. Ноги Фуи подкосились, и он тяжело рухнул в снег. Перед глазами все поплыло, мир погрузился в глухую тьму. Где-то вдали вскрикнул Тиншуан, наставник что-то гневно выговаривал, но его слова тонули в яростном писке, заполнившем уши. До него донеслось лишь обрывистое:

—... Черная зависть сожрала твою душу.

Из уголка рта Фуи вытекла тонкая струйка крови, зловеще яркая на мертвенно-бледной коже. Пряди волос выбились из-под заколки и упали на лицо, довершая его жалкий, затравленный вид.

Вэньтянь и не думал остывать:

— Ты погряз в мирских хлопотах и забросил самосовершенствование! Как ты умудрился проиграть ничтожному слуге из внешнего двора?! Если бы Тиншуан, невзирая на недуг, не завоевал себе место на Великом турнире орденов Девяти Провинций, вся Поднебесная подняла бы Куньлунь на смех из-за твоего позора!

— Я щадил тебя, помня, что ты рано лишился родителей. Тиншуан же по доброте душевной прощал тебе любые низости! Столько лет ты творил бесчинства, докатившись до убийства единственного сына главы ордена, и всякий раз твой брат вымаливал для тебя прощение! Когда тебя заперли в темнице, кто, кроме него, приносил тебе еду и целебные снадобья?

— Ты прекрасно знал о его хрупком здоровье, о том, что холод губителен для его меридианов, но все равно увлек его в ледяные чертоги Цзэу! Ты ведал, что скверна убьет его, и нарочно дождался прорыва печати... Не сумев одолеть соперников в честном бою, ты решил устранить брата столь подлым способом! Какое коварство!

— Воистину, — наставник понизил голос, чтобы посторонние не услышали этих слов, — в твоих жилах течет его грязная кровь. Глава ордена Ли с самого начала предупреждал: порочную

натуру не исправить.

Обычно немногословный, сейчас Достопочтенный Меча Вопросающий Небо не сдерживал гнева — поступок старшего ученика переполнил чашу его терпения.

Янь Фуи даже не вздрогнул. Его лицо оставалось неподвижной, застывшей маской, словно ядовитые упреки учителя его ничуть не ранили. Нельзя показывать слабость, нельзя позволять им видеть свои раны. Если чужие слова кололи острее клинков, оставалось лишь терпеть, укутавшись в привычное безразличие, как в броню, выкованную за годы издевательств.

Великий турнир? Если бы наставник не упомянул о нем, Фуи и вовсе позабыл бы о зловещем состязании. Тот безродный юноша из внешнего двора действительно обладал редким дарованием. Но никто не знал, что накануне поединка тайная техника Фуи, которую он практиковал годами без единой заминки, внезапно обратилась против него самого, едва не спалив меридианы. Получив тяжелейшие внутренние повреждения, он просто не стал затягивать бессмысленную схватку и уступил. Таков его удел. За двадцать с лишним лет жизни Фуи привык к ударам судьбы. Все, к чему он стремился, ускользало из рук; все, о чем грезил, оставалось недостижимым.

И как же глупо, что учитель упорно забывал: они с Тиншуаном — близнецы, рожденные одной матерью. Если отец Фуи был презренным еретиком и порождением тьмы, то и отец Тиншуана был им же. Тиншуан расплатился за слияние несовместимых сил врожденной немощью. Но разве сам Фуи не нес то же проклятие?

— Да, — Фуи с трудом сглотнул кровь, заполнившую рот, и отозвался бесцветным, лишенным жизни голосом: — Если учитель желает покарать меня, я приму наказание.

— Ах ты!.. — От подобного равнодушия Вэньтянь распалился еще сильнее. Он резко взмахнул ножами; мощный поток духовной энергии разметал кружащие снежинки. Фуи не успел уклониться — жесткий удар рассек ему щеку, и по бледной коже поползла багровая полоса.

— Учитель, молю вас, успокойтесь, — Тиншуан наконец подковылял ближе и мягко коснулся руки наставника. — Он ведь мой старший брат. Вполне естественно, что я пекусь о нем больше, чем о других.

Голос Тиншуана журчал весенним ручьем — ласковый, теплый, несущий надежду. И пускай они были одной крови, между ними пролегла непреходимая пропасть.

По истерзанной бурей лощине поползли тихие, ядовитые шепотки. Обычные адепты ордена никогда прежде не видели, чтобы сам Достопочтенный Меч столь нещадно распекал Первого старшего брата. Нюансы древних тайн и происхождение братьев были им неведомы, однако Янь Фуи возглавлял Зал Дисциплины и славился суровостью, отчего снискал лишь всеобщую неприязнь. Раз наставник обвинял его в подлости, значит, так оно и было. И плевать, что мгновение назад этот самый «злодей» грудью защитил их от прорыва бездны. Он ведь Первый ученик, разве не в этом его долг? А вот Тиншуан действительно обладал великой душой —

чистый, светлый юноша, даже сейчас выгораживающий бесчестного родственника. На коленопреклоненного Фуи посыпались презрительные взгляды.

Вэньтянь процедил что-то сквозь зубы. Гнев затуманил его разум, заставив забыть о главном — Тиншуан ранен и нуждается в покое. Более не проронив ни слова, Достопочтенный подхватил младшего ученика на руки, призвал парящий клинок и мгновенно растворился в снежной пелене. Опасность миновала, зрелище подошло к концу. Ученики с горы Неоставления, задержав напоследок брезгливые взгляды на неподвижной фигуре Фуи, молча разошлись.

Окрестности опустели. Фуи остался один посреди завывающего бурана, трепавшего подол его изорванного халата. Словно ледяное изваяние, он простоял на коленях еще некоторое время, прежде чем медленно поднять руку и прижать онемевшие пальцы к груди — единственному месту, где еще теплились крохи тепла. Там, под тонкой тканью, покоилась маленькая подвеска.

Его шепот, едва различимый в реве ветра, мгновенно угасал, но на бледных губах проступила слабая, печальная улыбка. Он тихо произнес:

— Сегодня Фуи восстановил барьер в тайной обители Цзэу в... — юноша чуть склонил голову, силясь вспомнить число, — в триста восемнадцатый раз.

<http://bllate.org/book/20278/2105736>